

Сюй Фэй продолжал отчитываться о работе, не меняя выражения лица.

Гу Сюй прервал его: "Все ли приготовления завершены в этом месяце?"

"Да". Сюй Фэй пролистал документы, которые были у него в руках. День гражданской авиации приближается. Хотя его босс занят с утра до ночи, каждый день, нужно посещать еще и общественные мероприятия. Сюй Фэй спросил очень понимающе: "Мистер Гу, не могли бы вы сказать мне время?"

"Не надо." Гу Сюй протянул руку и стряхнул лепестки розы, и капли росы на ней скользнули в его ладонь. "Ты когда-нибудь получал цветы?"

"Нет". / Я сам отправлял их много. Обычно цветы дарят мужчины, когда преследуют женщин, верно?...../

Конечно, Сюй Фэй не осмелился этого сказать.

Гу Сюй посмотрел на время и собирался идти в конференц-зал через шесть минут.

"Ты нашел ресторан, который я просил?"

Сюй Фэй ответил: "Да, они будут доставлять суп на съемочную площадку, вовремя каждый день."

"Хорошо", - Гу Сюй встал и направился в конференц-зал. Сюй Фэй последовал за ним. Как только он вошел в лифт, он услышал, как Гу Сюй говорит: "После окончания собрания ты можешь вернуться в мой старый дом и привезти вазу, которую я купил на аукционе два года назад?"

Сюй Фэй кивнул: "Хорошо."

Поскольку Лу Янь не было два дня, Ши Цин во всю снималась в одиночных сценах. Сегодня она решила немного отдохнуть. После съемок двух сцен Чен Цзин отпустил ее. Когда Лу Янь в своих доспехах сел в кресло, обливаясь потом, чтобы поправить грим, она уже переделалась. Она смотрела в телефон, задрала ноги и отдыхая.

Сяо Лю подошел, присел на корточки и сказал: "Брат Янь, цветы доставлены в офис господина Гу."

Визажист нанес ему на лицо слишком много краски, Лу Янь вытер уголки глаз: "Хорошо."

Сяо Лю спросил: "Брат Янь, надо будет доставить и завтра?"

Лу Янь немного подумал: "Давай отложим на неделю."

"Хорошо, посылать розы?"

Ши Цин долго слушала и, наконец, не удержалась и спросила: "Эй, подожди, подожди, ты посылаешь цветы этому человеку?" Потом добавил: "Это розы???"

Лу Янь моргнул: "Да, в чем дело."

"..." Выражение лица Ши Цин внезапно стало трудно выразить словами. "Сейчас, даже преследуя девушек, не популярно посылать цветы. Ты гоняешься за большим мужчиной, и отправляешь ему розы?"

"А ты, что думаешь?" Лу Янь повернулся к Сяо Лю с озадаченным выражением на лице.

Сяо Лю без колебаний кивнул: "Некоторое время назад я купил букет роз для своей девушки, а на следующий день нашел его остатки в мусорном баке перед ее домом."

"..." Почему ты мне раньше не сказал!

Ши Цин спросила: "Ты когда-нибудь за кем-нибудь ухаживал?"

Лу Янь честно ответил: "Нет."

"Да, ты родился с хорошей внешностью, и это нормально - не иметь такого опыта", - сказала Ши Цин, доставая губную помаду. "Это слишком приземленно, посылать цветы... Ладно, давайте попрощаемся."

"Тогда что можно послать?"

"Знаешь, если бы ты преследовал женщину, я предложила бы подарить ей триста шестьдесят пять помад, и цвет ее губ не был бы одинаковым каждый день. А для мужчины... может быть машина? Э-э, будет сложно купить разные модели на каждый день в году."

Сказав это, она положила помаду обратно в сумочку, и встала: "Но у твоего, похоже, нет недостатка в машинах. Будет трудно. Подумай об этом сам. Я возвращаюсь в отель, чтобы лечь под кондиционер. Я желаю тебе и маленькому принцу провести приятный день."

Лу Янь улыбнулся и попрощался с ней.

Но вскоре он уже не мог смеяться.

Поскольку слова Ши Цин оказались пророческими, из-за Линь Цина в этот день Лу Янь пережил самый длинный съемочный день в своей актерской карьере за последние несколько лет.

Эта сцена падения Шэнь Чжуна и горького плача Цю Жуна переснималась уже в одиннадцатый раз.

Потому что Линь Цин не мог плакать.

Чтобы это лучше выглядело в фильме, Чен Цзин решил снять всю сцену одним махом, а затем решить, следует ли порезать пленку при последующем редактировании. У Шэнь Чжуна было много реплик, прежде чем он упал, так что процесс был длительным...

Лу Янь, чьи глаза покраснели, но он сдерживал слезы, закончил читать большой абзац, а затем сжал горло, чтобы придушенно продолжить разговор с Линь Цинем после падения. Когда Линь Цин должен был горько заплакать, выражение его лица было отвратительным, а ноздри расширились. После того, как они повторили сцену несколько раз он жалобно сказал Чен Цзину: "Простите, я не могу выжать ни одной слезы".

Есть много актеров, которые не могут плакать. Слезы можно вызвать глазными каплями и перцем чили, но сцена идет бесперерывно. Выражение лица Цю Жуя варьируется от гнева до горя, поэтому он не может заплакать заранее.

После одиннадцатого эпизода, прежде чем Чен Цзин успел выругаться, Лу Янь встал первым.

"Ты, актер, не можешь даже хорошо сыграть сцену плача, так что ты делаешь на съемках???"

Внезапно в студии стало очень тихо.

Линь Цин, которого отругали, тоже был ошарашен. Прежде чем он успел отреагировать, Лу Янь снова усмехнулся: "Тебе уже двадцать лет, разве ты не страдал? Я плачу, когда думаю о чем-то грустном, разве ты не можешь также?"

Редко кому удается увидеть, как Лу Янь выходит из себя, и всем было любопытно, как Линь Цин справится с этим.

Линь Цин поджал губы и невинно сказал: "Почему ты думаешь о грустных вещах, разве это не напрягает твою психику?"

Как только прозвучали эти слова, не говоря уже о Лу Яне, даже обычные служдащие не смогли удержаться от выражения отвращения.

Я не хочу напрягать свою психику, поэтому я могу перегружать людей на съемочной площадке? Каждый раз перед новым эпизодом, персоналу приходилось убирать "пятна крови" на сцене и переделывать ее. В результате эта сцена снималась более двух часов и не была закончена, и Лу Яню пришлось накладывать грим четыре раза.

Лу Янь сердито улыбнулся: "Ты не можешь плакать, не так ли? Я понял это."

"Очистите место съёмки, повтор."

Он сел рядом с Чен Цзином, взял протянутое им полотенце, и вытер пот.

Независимо от того, насколько требовательным был Чен Цзин к драме, он не мог не спросить в такой момент: "Может не настаивать? Почему бы не разделить эту сцену на две?"

Лу Янь покачал головой и еле слышно сказал: "Нет, на этот раз все получится."

"... Хорошо, если на этот раз не снимем, разделим сцену на две."

После того, как место съемки было убрано, начали по двенадцатому разу.

В первые одиннадцать раз реплики и эмоции Лу Яня были отточены, и сейчас, все прошло без запинки.

Наконец, когда Линь Цин должен был горько заплакать, все на съемочной площадке затаили дыхание и уставились на середину съемочной площадки.

Линь Цин был такой же, как и раньше, держал упавшего на землю Лу Яня с искаженным выражением лица, как будто пытаясь выдавить слезы из глаз, но было сухо.

Как раз в тот момент, когда все невольно вздохнули в своих сердцах, произошло чудо...

Линь Цин внезапно напрягся всем телом, голубые вены на лбу лопнули, и он издал хрипкое "ах...".

Затем две линии прозрачных слез потекли по щекам...их было так много.

Чен Цзин был шокирован этим всплеском актерского мастерства и немедленно крикнул "Снято!".

Он просмотрел повтор до конца, безостановочно кивая и говоря: “Все кончено, все кончено! Производительность на этот раз неплохая, Линь Цин продолжай поддерживать это состояние!”

Это первый раз, когда Чен Цзин похвалил Линь Цина с тех пор, как тот присоединился к группе, но на лице заинтересованной стороны не было радости от полученной похвалы.

Потому что в этот момент, он все еще не мог избавиться от остатков боли.

Как раз в тот момент, когда он должен был зарыдать, рука Лу Яня внезапно высунулась и яростно ущипнула его за заднее место. Очень ощутимо! Он был одет в доспехи, но на этом месте был только тонкий кусок красной ткани. И его больно сжали.

Рука Лу Яня находилась в мертвом углу ракурса, и все подумали, что это проявились его актерские способности, но на самом деле он плакал по настоящему.

Наконец, закончив сцену, Лу Янь спокойно встал и похлопал его по доспехам.

“Хорошая игра.”

Сказав это, он повернулся и пошел смотреть повтор, игнорируя каннибальский взгляд позади себя.

Эта сцена отняла слишком много времени, и сразу после нескольких коротких одиночных эпизодов наступило время ужина.

Чен Цзин сидел напротив Лу Яня, глядя на большую кастрюлю с куриным супом посередине, и не мог удержаться, чтобы не спросить: “Ты влюблен? Разве вы, актеры, не перестаете обращать на все внимания, когда влюбляетесь? Не будет проблем со съемками?”

Лу Янь спокойно ответил: “Пока нет.”

Он достал свой мобильный телефон и отправил сообщение Гу Сюю.

[Я получил твой суп, ты уже поел?]

Прошло десять минут, прежде чем он получил ответ: [Я еще не ел, я только что закончил совещание.]

Прежде чем Лу Янь успел ответить, Гу Сюй прислал еще одно сообщение.

[Цветы тоже были получены.]

Лу Янь долго смотрел на текстовое сообщение, затем внезапно поднял голову и спросил Чэнь Цзина: "Кто-нибудь вас преследовал когда-нибудь?"

Чен Цзин взглянул на него: "Чепуха, возможно ли, что моя жена будет преследовать меня?" С этими словами он дотронулся до своего круглого пивного живота.

"Вы посылали цветы, когда ухаживали за своей невестой?"

"Когда это было? Кто, тогда, посылал цветы?" Чен Цзин выглядел недовольным.

"....."

Лу Янь опустил голову и спокойно ответил на текстовое сообщение.

[Это благодарность.]

[???)

Глядя на этот огромный вопросительный знак, он решил сменить тему: [Сегодня Линь Цин не мог плакать во время съемок. Я ущипнул его, и он заплакал. Он купил страховку для своей заднице? Я, ведь, не должен выплачивать ему компенсацию?]

Гу Сюю было любопытно: [А ты купил страховку?]

[По правде говоря, я купил страховку на 400 000 долларов для своего носа.]

"....."

<http://bllate.org/book/13782/1216507>